

КИРА НАЙТЛАЙТ

ПЕСНЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ
О ВЕЛИКОЙ ПРЕКРАСНОЙ

Кира НайтЛайт

**Песнь временных лет
о Великой Прекрасе**

«Автор»

2026

НайтЛайт К.

Песнь временных лет о Великой Прекрасе / К. НайтЛайт —
«Автор», 2026

Корни этой истории уходят далеко в прошлое и переплетаются с воображением автора. История женщины, которая превратилась в легенду Руси. Ее звали Прекраса. Она мечтала о простой жизни и любви. Но судьба привела её в Киев — ко двору князей, где имя, власть и кровь значат больше, чем человеческие чувства. Там она вынуждена была назваться чужим именем и прожить чужую жизнь. Но прошлое не оставило ее в покое даже там, когда древляне убивают её мужа, они думают, что победили. Но они ещё не знают, какую силу пробудили. Теперь их ждёт месть, о которой будут говорить веками.

© НайтЛайт К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Весь текст	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Песнь временных лет о Великой Прекрасе

Весь текст

Свирепое пламя жадно пожирало некогда великий град древлян вместе с жителями.

Оно, словно живое, перескакивало с одного терема на другой, не брезгуя ни старой избой, ни хлевом. Огненные языки извивались, как хищные змеи, с шипением вползая под соломенные крыши, вгрызаясь в сухие брёвна, разрывая стены домов. Пламя тянулось вверх, карабкалось по срубам, выслеживая лакомую добычу.

Балки лопались с глухим, почти человеческим хрустом. Крыши проваливались, выбрасывая в небо снопы искр. Огонь вырывался наружу, ревел, радуясь собственной силе.

Над землёй стлался густой чёрный дым. Он душил, забивался в горло, в глаза, в лёгкие. Люди выбегали из домов, задыхаясь, крича, падая на колени. Кто-то пытался тушить пламя, кто-то звал детей, кто-то просто спасался.

Но выхода не было.

Уже несколько дней Искоростень окружало киевское войско.

Город стонал, сливаясь с криками горящих заживо людей. Душераздирающие звуки сходились в один сплошной, надрывный вой — и казалось, что он навсегда останется в степных ветрах, станет их вечной погребальной песней.

Город умирал.

Медленно. Неумолимо.

А на холме, чуть поодаль, за этой безжалостной казнью наблюдала она.

Княгиня Ольга.

Её белогрудый жеребец нетерпеливо перебирал копытами, фыркая и косясь на огонь, но всадница сидела неподвижно. Прямая спина, высоко поднятая голова, спокойное лицо.

Отблески пламени скользили по её щекам, отражаясь в стеклянных глазах. Но в них не было ни толики ужаса или сомнения.

Только тихая, холодная сосредоточенность.

и что-то ещё.

Что-то опасное.

Что-то, слишком похожее на наслаждение. То самое, которое приходит, когда месть наконец свершилась.

На землю мягко, даже торжественно, опустилась Купальская ночь. Она словно тёплый тёмный покров, искрящийся яркими звёздами, покрыла все в округе. Воздух был напоён ароматами разогретых за день трав, речной влаги и далёкого дыма от костров. Луна медленно поднималась над лесом, и её свет ложился серебристой дорожкой на спокойную воду.

Прекраса сидела на поваленном дереве у самого берега среди высоких трав. Она склонилась над собранными днём цветами, аккуратно перебирая тонкие сочные стебли. Ромашки, васильки, зверобой и полевые колокольчики складывались в её руках в ровный круг. Тонкие пальчики двигались неторопливо, словно Прекраса вплетала в венок не только цветки, но и свои тихие мечты.

Травы шелестели вокруг, касаясь её босых ног и расшитого подола платья. Где-то в камышах плеснула рыба, и по воде разошлись лёгкие круги. Лес вокруг стоял тёмной стеной, но не казался грозным — напротив, он будто оберегал эту волшебную ночь, храня в глубине древние тайны. В народе говорили, что именно в такую пору может вспыхнуть огненным светом мифический Цветок папоротника, открывая путь к счастью тому, кто его отыщет.

Прекраса тихо напевала старинную песню, которой её научила мать. Голос девушки звучал негромко, но чисто, растворяясь в ночной тишине, и лишь стрекот сверчков вторил незатейливой мелодии. В этой песне были и нежность, и ожидание, и светлая надежда на взаимность Мирослава — того, чьё лицо она видела во снах, того, кто сопровождал торговый обоз отца. Иногда она поднимала взгляд к небу, будто искала среди звёзд ответ на свой мучающий вопрос.

Вдали разгорались купальские костры. Их пламя вспыхивало яркими языками, озаряя смеющиеся лица и отражаясь в реке золотыми бликами. Но здесь, у воды, царило иное настроение — спокойное, почти молитвенное. Ночь будто слушала её песню и внимала каждому слову.

Когда венок был сплетён, девушка бережно провела по нему ладонью, словно благословляя своё творение. Она поднялась, подошла к самой кромке воды и, на мгновение замерев, опустила венок на тихое течение. Река приняла его легко и понесла вдаль, туда, где сходились тьма и свет.

Прекраса смотрела ему вслед, пока не заметила на другом берегу высокую статную фигуру. Сердце вздрогнуло и забилося чаще. Девушка сразу же узнала Мирослава. Юноша, не боясь замочить одежды, стремительно бросился в воду и ловко поймал венок. Не сводя пристального взгляда со своей суженой, Мирослав вброд через мелководе направился к ней. Прекраса замерла, боясь поверить глазам, боясь спугнуть своё счастье: обоз успел вернуться к празднику, и в эту купальскую ночь они наконец обручатся. Неужели этот момент настал? Всё вокруг дышало ожиданием — и река, и травы, и её собственное сердце, — пока Мирослав, преодолев расстояние между ними, не оказался рядом. Мокрый и запыхавшийся, он протянул заветный венок Прекрасе.

— Успел, — тихо прошептал он. — На этот раз река его не получит — он мой.

— Почти опоздал.

— Не сегодня, моя любимая, Прекраса.

От его слов она зарделась, но блеск в глазах выдавал настоящие эмоции. Прекраса бережно взяла венок и важно водрузила его на русоволосую голову любимого. Немного отстранившись, она полюбовалась ликом Мирослава, который с нежностью и желанием смотрел на свою будущую жену. Он притянул её к себе за талию и, обняв ладонями девичье лицо, коснулся лбом её лба. Всё вокруг перестало существовать. Их сердца в унисон отбивали бешеный ритм, дыхание давно сбилось, а по телу разлился томительный жар. Наконец губы встретились в долгожданном первом поцелуе, затмившем любые ожидания юной Прекрасы.

Тревожное ржание коня Мирослава на другом берегу прервало их уединение. Юноша замер, а затем и вовсе отстранился, обеспокоенно глядя в чащу. По спине Прекрасы пробежали колющие мурашки, словно предвещая беду. Мирослав напряжённо осмотрелся. На поляне у горящего костра беззаботно продолжали водить хороводы девушки и парни из селения. Они, весело смеясь, распевали купальские песни. Звёзды всё так же призывно горели, составляя компанию яркому диску луны.

Может, показалось?

И только он подумал об этом, как его верный конь громко всхрапнул и с силой мотнул крутой шеей, намереваясь освободиться. Следом из глубины леса раздался отчётливый треск ломающейся ветки. Мирослав сощурился, пытаясь что-то рассмотреть во мраке чащи. Поток ветра изменил своё направление. Его резкий порыв принёс запах дыма и опасности. Мирослав тут же напрягся.

— Ты слышала? — не сводя пристального взгляда с леса, настороженно спросил он.

— Наверное, дети крадутся, чтобы подсмотреть, — отмахнулась Прекраса, не желая делиться вниманием любимого.

— Не похоже, — с сомнением ответил Мирослав.

— Да ладно тебе — начала щебетать девушка, но её слова прервал новый треск сухостоя, уже с другой стороны.

А потом она заметила массивную тёмную фигуру, мелькнувшую между стволов берёз. И не успела произнести ни звука. Из темноты со свистом пронеслась стрела. Наконечник зло блеснул в свете костра.

Время замедлилось. Звуки резко пропали.

Глухой удар о дерево. Щепки разлетелись в стороны, оцарапав кожу на побледневшей щеке. Прекраса оцепенела от ужаса. Холодный пот градом покатился по спине. Мирослав что-то говорил, но она не слышала. Он схватил её за тонкие плечи. С силой встряхнул несколько раз. Коса больно хлестнула по щекам. В голове моментально прояснилось.

В сознание Прекрасы тут же ворвался хаос: звуки сражения, истошные крики. Тут и там из леса появлялись огромные мужские фигуры с оружием в руках. Вдалеке над кронами занялось кровавое зарево. Потянуло палёным. Теперь стало понятно, почему ветер принёс смрад гари — горели их дома.

— Древляне — послышался чей-то отчаянный крик.

Теней становилось всё больше. Они были повсюду, сжимая кольцо. Враги стогнали люд, как отару овец, в центр поляны — прямо к полыхающему костру. Девушки собрались в кучу, дрожа и прижимаясь друг к другу. Парни выступили вперёд, стараясь их защитить.

Вдруг резко стало мокро и холодно. Крепко схватив Прекрасу за плечо, Мирослав настойчиво потянул её к своему коню, который метался вдоль берега. Гнедой жеребец нервно бил копытом и испуганно ржал в тщетной попытке освободиться, но надёжно привязанные поводья не давали ему скрыться в лесной чаще.

Нарядное платье, которое она сама расшивала долгие месяцы, намокло, облепив хрупкое тело, отчего Прекраса стала ещё меньше, превратившись почти в прозрачную фигуру. Её трясло. Зубы стучали, и, казалось, это слышно на всю округу. Прекраса обняла себя за плечи свободной рукой, пытаясь сохранить стремительно тающее тепло. Спустя долгие минуты они оказались на противоположном берегу.

— Ну, тихо Тихо, мой хороший, — успокаивал коня Мирослав. — Сейчас, дай отвяжу тебя.

Конь немного присмирел и лишь недовольно захрипел, нервно жуя удила. Мирослав помог Прекрасе забраться в седло, но сам не успел. На берег вышел один из налётчиков. Он возник из ниоткуда, словно неприступная гора, заслоняя собой свет луны. Оскалился, глядя на испуганную девушку, а затем перевёл взгляд на её защитника. В огромной руке он сжимал окровавленный топор. Мгновение замешательства, и разбойник чёрной тенью рванул на Мирослава, злобно рыча.

Мирослав вытащил из седельной сумки короткий нож — единственное оружие, которое у него оказалось.

— Держись крепко, — коротко бросил он и ударил коня по крупу.

— Нет!

Конь заржал и сломя голову понёсся в сторону леса, словно сойдя с ума. Густой едкий дым от пожара выедал глаза. Стало трудно дышать. Тонкие ветки хлестали по заплаканному лицу. Отовсюду слышались крики и лязг стали. Непослушные пальцы Прекрасы судорожно пытались подхватить поводья. В бешеной скачке ей всё же удалось поймать кожаный ремешок, но конь не слушался. Она пыталась развернуть его, но сил не хватало.

Прекраса ещё раз в отчаянии потянула поводья.

— Мирослав! — звала она сквозь рыдания.

Но конь лишь ещё больше прибавлял. Сбоку послышалось ржание лошадей. Погоня. Топот копыт быстро приближался. И вскоре её настигли всадники. Огромный чёрный конь скакал наперерез. Гнедой под Прекрасой встал на дыбы, сбрасывая наездницу в густую траву.

Девушка почти сразу вскочила, зажатая тремя всадниками, которые неспешно кружили вокруг неё. Они громко смеялись, выкрикивая победоносный клич. Но среди жуткой какофонии она разобрала лишь один — короткий вскрик, и её взгляд устремился в сторону берега, где остались её суженый и огромный древлянин.

Оказалось, она не смогла убежать далеко. Через редкие деревья хорошо виднелись силуэты у реки. Сердце словно перестало биться — Мирослав упал на колени. Он дерзко вздернул голову на возвышающегося над ним противника. Тот играючи перекидывал оружие из руки в руку.

Холодный лунный свет на мгновение отразился в лезвии, прежде чем скрыться за чёрными тучами.

От глухого удара обухом тело Мирослава отбросило в тёмные речные воды. Всплеск — и вода с раскрытыми объятиями приняла жертву. На поверхности остался только завядший венчик из полевых цветов.

И коварная река всё-таки забрала себе и его тоже.

А Прекрасу утянула в забвение спасительная темнота.

Дорога на Киев тянулась через бескрайние леса и болота, где редкие лучи солнца с трудом пробивались сквозь густые кроны. Сырым мхом пахли древние дубравы, а в тёмных низинах стоял плотный туман. Дружина князя Олега двигалась медленно: тяжело гружённые повозки скрипели на колеях, а кони устало ступали по раскисшей земле.

Во главе ехал сам князь — высокий, седой, с неподвижным лицом, на котором годы оставили глубокие морщины. Его серые глаза смотрели вперёд, улавливая любое движение.

В одной из крытых повозок ехала девушка.

Будущая жена князя Игоря.

Она была варяжского рода — гордая, светловолосая, с холодными, как северное море, глазами. Дружинники поглядывали на неё с уважением и опаской. В ней чувствовалась кровь людей, привыкших держать меч.

Но уже спустя несколько дней девушка почти не выходила из повозки.

Сначала это показалось пустяком.

На одном из привалов она пожелала спуститься к горной реке, чтобы умыться в студёной воде. Ольга отказалась от сопровождения и, не удержав равновесие на скользких камнях, упала в воду. Тогда она лишь рассмеялась, поднялась, вымокшая до нитки, и сказала, что всё в порядке. Только на ладони осталась глубокая царапина, а рядом Олег заметил разложившийся труп оленя.

Никто не придавал этому значения. Только нянька с причитаниями носилась вокруг княжны, как малохольная.

Но спустя несколько дней Ольга стала жаловаться на тупую боль в ладони, на которой уже успел затянуться порез. С каждым днём ей становилось всё хуже. Она стала раздражительной, тяжело дышала, на лбу блестели крупные бисерины пота. Ольга даже прогнала сердобольную нянюшку.

Старый дружинник, знавший северные земли, нахмурился и велел раскрыть рану и промыть вином. Но это не помогло — становилось только хуже.

Красивое, всегда сдержанное и спокойное лицо Ольги теперь искажалось. Рот растягивался в демонической улыбке, брови жили своей жизнью. Казалось, княжна одновременно и горько плачет, и злобно смеётся.

Дружинники начали шептаться, что её телом завладел злой дух Водяного.

Тонкое тело сотрясали болезненные конвульсии — на это зрелище невозможно было смотреть. Ольга металась на лежанке из шкур, тяжело дышала и глухо стонала от нестерпимой боли, ломавшей её тело под давлением непрекращающихся судорог.

Это произошло ночью. Спустя две недели.

Её измученный слабый голос разнёсся по напряжённому лагерю.

Олег стоял недалеко от повозки и молча смотрел, не в силах облегчить мучения обречённой.

Пламя костра дрожало в его суровых глазах.

— Скоро, — тихо сказал один из дружинников.

Но князь не ответил. Только сжал тонкие губы сильнее.

Перед рассветом девушка в последний раз рвано вздохнула, со свистом пропуская воздух через сжатые зубы. В этот момент её тело выгнулось особенно сильно, раздался неприятный хруст ломающихся костей.

А потом грудная клетка замерла.

В мечущемся взгляде отражались боль, паника и осознание конца. Тело Ольги затряслось, глаза налились кровью и остекленели, кожа утратила всякий цвет. Искривлённые губы посинели.

Ольга наконец затихла.

Уже навсегда.

Служанка заплакала, причитая на варяжском.

Дружинники молча переглядывались, но никто не осмеливался заговорить. Все понимали: мёртвая невеста — дурной знак для дороги и для княжеского дома.

Олег долго стоял у повозки и в этот момент больше походил на языческого идола, вырубленного из камня, чем на живого человека. Лишь слабо развевающийся на ветру плащ и длинные седые волосы выдавали в нём человека из плоти и крови.

Со смертью княжны словно нарочно всё вокруг стихло. Ни звука птицы, ни шороха зверя. Только ветер медленно шевелил верхушки деревьев.

Князь вплотную подошёл к повозке и посмотрел на неподвижное лицо девушки.

Та, что должна была стать княгиней Киева, лежала перед ним безжизненная, сломленная, словно некогда красивая, испорченная кукла.

Олег протянул руку и закрыл ей глаза.

Потом медленно обернулся к дружине.

— Никто не должен узнать, — сказал он тихо. Люди переглянулись, не смея возражать.

— Похороним её здесь. Сложим костёр, прочитаем молитвы по варяжским обычаям.

Один из воинов осторожно спросил:

— А что скажем в Киеве, князь?

Олег долго молчал. Его взгляд скользнул по тёмному лесу, будто он искал там решение. Но его не было, как и княжны.

— Скажем — так произнёс он, — что княжеская невеста едет следом.

Над лагерем повисла тяжёлая тишина.

— Киев не должен узнать, что его княгиня отправилась к праотцам.

Дружинники работали быстро и молча. На опушке быстро собрали высокий погребальный костёр — водрузив сухие стволы сосны, берёзовые поленья и хворост. Внизу уложили толстые брёвна, сверху — широкое ложе из досок и богатых шкур.

Искорёженное болезнью тело княжны осторожно вынесли из повозки, словно она всё ещё могла почувствовать боль. Служанка тихо причитала, крепко вцепившись в застывшие в пальцы своей госпожи.

Ольгу одели в чистую льняную рубаху и плащ, застегнули его на груди серебряной фибулой. Густые волосы аккуратно расправили по плечам, прикрывая уродливую худобу.

Её разместили на наспех приготовленном погребальном ложе, застеленном шкурами и отрезом византийской парчи. Из сундуков с приданым достали немного: на грудь положили тяжёлое драгоценное ожерелье, у пояса оставили короткий нож. Один из дружинников поста-

вил рядом кубок с мёдом и бросил на ложе горсть монет — всё, что могло понадобиться на пути в загробный мир. В качестве подношений вокруг ложа разместили припасённые для дороги фрукты и собранные в лесу травы.

Служанка раскачивалась из стороны в сторону, обливаясь слезами. Дружинники старательно отводили глаза, боясь смертельного проклятия. Вещий Олег же подошел ближе, желая проститься с усопшей. Князь пытался найти решение, глядя на застывшее, словно восковое, лицо девушки. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Кто-то протянул ему горящую головешку.

Князь, погружённый в тяжкие думы, долго смотрел на огонь. А потом молча бросил факел в хворост.

Пламя сначала лениво зашевелилось между ветками, затем с треском поднялось выше, обхватив сухие поленья. Смола в сосновых стволах зашипела, огонь быстро разгорелся, и над лесом поднялся густой дым.

Дружинники стояли кругом, сняв шлемы.

Служанка заплакала громче прежнего:

— Не уберегла княгиню Как теперь ярлу в глаза смотреть? Не могу...

Никто не успел остановить обезумевшую женщину, когда она с криком бросилась в костёр. Бушующее пламя с радостью приняло щедрое подношение, став таким ярким, что смотреть на него стало невозможно. Её крики стихли быстро, но их отголосок ещё долго будет мерещиться бравым воинам в огне костров.

Над догорающими углями медленно поднимался дым, унося с собой ту, что должна была стать княгиней Киева, вместе с ненужным свидетелем.

— В дорогу, — тихо сказал Олег.

Обоз тут же собрался. Оседлав лошадей, они продолжил свой путь.

Ночь после погребения была особенно тяжёлой.

Дружина спала беспокойно, мучаясь кошмарами. Кони нервно фыркали у привязей, костры давно погасли, и только угли краснели в темноте.

Но Олег не ложился вовсе.

Он стоял у края лагеря, глядя в сторону чёрного леса. Предрассветный туман стелился низко, словно дурное предзнаменование. А там, где-то далеко, среди деревьев, возможно, ещё тлел погребальный костёр.

Мысли не шли. В голове лишь набатом стучало:

Мёртвая невеста.

Сорванный союз.

Киев ждал княгиню.

Игорь ждал жену.

А правда могла разрушить всё, что он строил годами.

Князь медленно провёл ладонью по седой бороде.

Лес вокруг был чужой — это были земли древлян. Народ суровый, упрямый, живущий по своим законам и верящий в старых богов и духов леса.

Неожиданно из чащи пронзительно и резко закричала какая-то птица, словно желая что-то сказать князю. Он задумался, вспоминая, что где-то в этих местах, как говорили дружинники, жила старая мудрая ведунья. Олег не любил просить совета у духов. Но выбора не было — или он найдёт решение, или начнутся распри и прольётся кровь.

— Оседлать коня, — тихо приказал он дозорному.

Воин наверняка понял — князь едет за ответами.

Да помогут ему боги.

Ведунья жила за грядой острых скал в глухой низине, среди старых корявых дубов.

Тропа туда была узкой и едва заметной. Конь Олега ступал осторожно, скользя копытами по влажным гладким камням. Внизу стелился холодный туман, пахло сырой землёй, гнилыми листьями и болотной водой.

Место было мрачным и безлюдным. Казалось, даже птицы старались сюда не залетать.

За скалами низина резко уходила вниз. Там, среди кривых, словно изломанных непогодой деревьев, темнело чёрное болото. Вязкая водная жижа едва шевелилась, отражая тусклый предрассветный свет. Из трясины медленно поднимался едкий пар.

На краю болота стояла хижина.

Она была сложена из тёмных бревен, перекошенных временем. Крыша поросла мхом и сухой травой. Над входом висели пучки сушёных растений, звериные кости, птичьи черепа, связки перьев и ещё какие-то странные предметы, которые в полумраке трудно было разглядеть.

Ветер тихо раскачивал их, и они постукивали друг о друга в зловещем, неровном ритме.

Конь фыркнул и остановился. Олег спешился, бросил повод на ветку и медленно подошёл к двери.

Хижина казалась пустой, но, когда князь толкнул низкую дверь и вошёл, старуха уже ждала его. Внутри резко пахло варевом из трав и чем-то терпким, даже горьким.

Посреди хижины горел маленький очаг. Слабый огонь освещал стены, увешанные сушёными кореньями, пучками полыни и звериными шкурами.

Старуха сидела у огня, что-то бережно перебирая.

Она едва обернулась, когда Олег вошёл.

Лицо её было сухим, морщинистым, как кора древнего дерева. Растрепанные седые волосы торчали в разные стороны. Тонкие губы едва заметно шевелились, будто она тихо бормотала старые заклинания.

Но глаза

Глаза у неё были удивительно живыми.

Чёрные, внимательные, они смотрели прямо на князя, словно видели не только человека перед собой, но и всё, что стояло за его спиной: дорогу, смерть, костёр и мысли.

Старуха медленно протянула руку к огню и бросила в него горсть сушёных трав. Пламя вспыхнуло ярче.

Она долго смотрела на князя немигающим взглядом, словно пыталась залезть в его голову. Потом тихо усмехнулась.

— Ветер принёс запах костра — сказала она. — И запах надвигающейся беды.

Олег молчал.

— Ты лишился залога крепкого союза, что вёз в Киев.

Это был не вопрос.

Князь постарался не выказать удивления словам ведьмы и нахмурился. На секунду замешкался, сомневаясь в правильности выбора, но все же произнес:

— Мне нужен совет.

Старуха долго ворошила угли закопчённой огнем костью и вдруг спросила:

— Скажи мне, князь что делает воин, если его конь ломает ногу?

Олег ответил сразу:

— Берёт другого.

Старуха подняла на него глаза и кивнула.

— Тебе не нужен мой совет, ты только что сам ответил на мучавший тебя вопрос.

Она бросила в огонь горсть новых трав. Пламя вспыхнуло зелёным светом.

— Не ищи мёртвое среди мёртвых, князь. Живое найдётся среди живых.

Олег долго смотрел в огонь. А потом медленно вышел, бросив старухе мешочек с серебряными монетами. Насколько ответ был простым, настолько же и сложным.

Через несколько дней дружина Олега достигла центра древлянских земель. Ещё немного, и они будут в Киеве, а проблема оставалась нерешенной.

Солнце стояло высоко, нещадно опаляя измученную зноем местность. Полесье дышало жаром, пахло сухими пыльными травами. Руслу мелких рек пересохли, больших — сильно обмелели. Дождя здесь не было уже давно, отчего почва пошла глубокими трещинами. Углубившись в земли племени, Олег с дружиной старались держаться реки, в которой ещё оставалась вода. Светило клонилось к закату, когда они уткнулись в небольшую рощу со старым капищем, где древляне как раз готовились к языческому обряду.

Олег с дружиной затаились, стараясь не выдать себя ни единым вздохом: он понимал, что древляне оберегают свои обряды как высшую тайну, закрытую от чужаков. Однако наблюдать не перестал.

Вокруг чадили факелы, отбрасывая уродливые тени, тянущие извивающиеся щупальца к присутствующим. Первым бросался в глаза возвышающийся над поляной идол, вырезанный из чёрного дуба. Большой, грубый, с лицом, больше похожим на маску зверя. В его пустых глазницах темнели угли. Казалось, они смотрят прямо в душу.

У подножия идола находился каменный жертвенник, весь в трещинах и тёмных пятнах от пролитой крови. Говорили, что дождь никогда не смывает их полностью.

В эту ночь люди пришли молча. Мужчины — с копьями и топорами. Женщины — с опущенными головами. Никто не разговаривал, чувствуя тяжесть этого места.

Ветер в роще словно шептал древние заклинания, подначивая собравшихся к началу обряда. Олег остановил коня и отчего-то стал наблюдать за происходящим.

В круг ступил волхв. Старый, худой, в плаще из звериных шкур. На шее у него висели кости птиц и зубы зверей. Он молча поднял посох, и люди опустились на колени.

— Слушайте, — прошептал он, но голос его разнёсся по всей поляне. — Слушайте тех, кто старше леса.

Огонь в жертвеннике вспыхнул, будто кто-то вдохнул в него жизнь.

Волхв обратился к богам — к грозному Перуну, хозяину грома и войны, и к Велесу, тёмному владыке подземного мира, хранителю мудрости и магии.

Сначала бросили в огонь хлеб. Потом мёд. Потом кровь чёрного петуха пролилась на жертвенный камень. И все это под тихое бормотание старца. Затем раздался методичный звон бубна, и [a1] волхв пустился в ритуальный пляс. Его глаза закатились, тело затряслось в такт ударам по натянутой коже бубна. Загрохотали связки костей на его посохе, и он наконец замер.

Волхв сначала долго и молча смотрел в пляшущее пламя, а потом искривил тонкие губы в беззубом оскале.

— Боги гневаются, — сказал он тихо. — Они недовольны служением старого князя. Он немощен и стар, больше не способен править. Нужно избрать нового и смягчить гнев великих жертвой.

И тогда из толпы вышел человек.

— Я сын своего отца — старого князя Мала. Я много воевал, рискуя жизнью. Я защищал наши земли, не жалея стали и сил. У меня нет поражений, и каждый мой поход вознаграждён богатыми дарами.

Молодой воин подал знак, и в центр круга вывели с десятков испуганных парней и девушек, вытащили награбленные сундуки.

— Я достойный предводитель, и в доказательство готов пожертвовать всё это богам в знак почтения.

Волхв внимательно посмотрел на молодого воина, затем на его подношения. Указав посохом на первого стоящего к нему пленника, приказал:

— Посмотрим, что ответят боги.

Ничего не понимающего человека подвели к камню. Его руки были связаны. Он смотрел на идола — и чем дольше смотрел, тем сильнее казалось, что идол глядит в ответ.

Огонь трещал. Волхв запел древние слова, их уже почти никто не понимал. Голос его становился всё ниже и глуше, превращаясь в многократное эхо.

Люди опустили головы, подчиняясь древней силе.

Тогда ветер внезапно прошёл по вершинам деревьев. Сначала тихо. Потом сильнее. Ветви закрипели, будто старые кости. Пророкотал далёкий гром. Почерневшие тяжёлые тучи озарила молния.

Старик бросил в огонь ветви можжевельника, и пламя в жертвеннике взметнулось выше человеческого роста. Поднялся густой и тяжёлый дым, потянулся вверх между чёрными стволами.

— Боги слышали, — сказал он. — И требуют обряд семи.

Он помолчал, оглядывая собравшихся. Его голос был низким и хриплым.

— Великие боги! Примите нашу кровь и сохраните землю древлян!

Толпа ответила гулом.

Лезвие ножа коротко блеснуло в огненном свете.

— И в доказательство того, что мы услышаны они даруют нам сегодня долгожданный дождь.

Взмах руки — и горло несчастному перерезали кинжалом. Юноша бился в конвульсиях, пока его кровь окропляла землю, смешиваясь с крупными каплями дождя.

Поток воды усиливался. Тяжёлые капли падали на горячую землю, шипели на камне жертвенника и стекали по его тёмным трещинам, напоитывая изголодавшуюся землю.

Толпа гудела, радуясь щедрости богов. Кто-то поднимал руки к небу, кто-то смеялся, кто-то плакал, благодарно склоняя голову перед идолом. И никому не было дела до остывающего тела невинного юноши и других жертв, которых вскоре принесут богам, чтобы умерить их гнев.

Олег всё это время молча наблюдал со стороны холодным, внимательным взглядом. Он не вмешивался в сторонние порядки и уже хотел было вернуться к дружине, как вдруг заметил ее.

Она стояла среди пленников. Дождь быстро намочил её волосы и лёгкую рубаху, но она не пыталась укрыться. Девушка подняла взгляд на князя древлян и в ее глазах вспыхнула неприкрытая ненависть. А потом она посмотрела на жертвенник и потухла, застыла, будто видела не кровь, а что-то далёкое и своё. Она не кричала, не пыталась убежать. Слишком спокойная для будущей жертвы. Красивая, гордая, обреченная, как

Олег прищурился.

В тёмной, грязной толпе её лицо казалось почти нереальным — чистым, светлым, словно случайно попавшим сюда из другого мира.

— Не может быть! — тихо выдохнул он, запрыгивая в седло своего коня, ждавшего у кромки рощи.

Дождь тем временем превращался в настоящий ливень. Люди начали расходиться, но молодой воин, назвавший себя князем Малом, всё ещё стоял рядом с волхвом, принимая поздравления.

Тогда Олег тронул коня. Животное фыркнуло и шагнуло вперёд. Дружина двинулась следом. Древляне расступались, заметив вооружённых русов.

Разговоры стихли.

Молодой воин повернулся к приближающемуся князю. Они встретились взглядами.

Древлянин был широкоплеч, как дубовый ствол, с тяжёлой чёрной бородой и внимательными тёмными глазами. Он встретил Олега без излишней почтительности, но и без вражды — как равного.

— Давно не ступала нога киевского князя на наши земли, — сказал Мал, обнимая его по древнему обычаю. — Но ты пришёл в добрый день.

Он указал рукой в сторону капища.

— Сегодня ночь жертвы.

Олег коротко кивнул, будто принимая это.

С холма уже доносился шум. Там гремели бубны, звенели медные подвески, гудели низкие мужские голоса. Мал довольно улыбнулся.

— Окажи мне честь. Испей со мной мёда, откушай хлеба.

Несколько мгновений Олег молчал, словно обдумывая что-то, а потом медленно кивнул, соглашаясь.

Пиршество устроили в лагере древлян, освещённом десятками костров.

Мужчины пили мёд из рогов животных, женщины приносили корзины с хлебом и мясом. На длинных столах уже лежали туши кабанов и оленей. Когда появился Мал с гостем, разговоры стихли. Народ приглушенно перешептывался, провожая взглядами высокого седого князя в тёмном плаще. За широким поясом висел острый топор, виднелась рукоятка кинжала. Старшие дружинники сели ближе к князю, младшие — по краям длинного стола. Пир продолжился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.